

СМОТРЕТЬ НА ЗВЕЗДЫ

Диалог с писателем Вячеславом Пьецухом

Как, вероятно, заметил читатель, материалы, публикуемые под рубрикой «Лампада», не всегда носят «чисто» религиозный характер (для этого существуют специальные издания). Со столь широкой аудиторией, какую представляет собой более чем многомиллионная читательская аудитория «Труда», важно говорить о поисках веры — духовной опоры, столь необходимой каждому из нас сегодня. Для искренне ищущего очень важны именно первые шаги на этом трудном, но в конечном счете благодарном пути...

Надеемся, с этой точки зрения многих привлечет беседа с писателем Вячеславом ПЬЕЦУХОМ, известным по таким

«Я человек не религиозный. Я человек верующий, причем верующий довольно неясно и широко... Я, похоже, обыкновенная мятающаяся натура, слишком невольник логически настроенного ума, которому, впрочем, не чужд идеалистический, по крайней мере возвышенный образ мыслей».

— Наверное, сегодня такое промежуточное состояние души и ума — между безверием и верой — близко многим. Интересно и форма, выражающая это мятающееся состояние. — что-то среднее между исповедью, художественной прозой и философским трактатом...

— Исповедью это вряд ли можно назвать. Религиозные люди исповедуются перед священником, остальные — перед женой, друзьями, собутыльниками. Но не перед листом бумаги и пишущей машинкой. Это и не проза, и не публицистика, а какой-то промежуточный жанр, который на Западе называют эссеистикой. Как и все, что я делаю, это попытка исследования предмета в определенном ракурсе. Предмет — я сам, движения, происходящие в моей душе. Время от времени я подвергаю их анализу. В данном случае речь идет о моих воззрениях на природу веры, религиозности нашего народа.

«...дело в том, что Бог есть, и даже бытие Его до такой степени явно для рассудка и всех пяти чувств, что и Бога следовало бы определить как объективную реальность, данную нам в ощущениях».

— Давно ли вы пришли к этому выводу?

— Не очень и не сразу. Эволюция моих взглядов простая и даже банальная: от воинствующего атеизма до внимательного отношения к небесам. Внезапного превращения из безбожника в истового христианина, неоднократно описанного в литературе, не было. Просто с возрастом я стал внимательнее прислушиваться к себе, оглядываться по сторонам, смотреть под ноги и на звезды. Пораскинув умом, я пришел к определенным подозрениям, гипотезам, которые стали кое-что объяснять в окружающем мире.

— Ваше определение Бога повторяет известную марксистскую формулировку понятия материи. Связывается школа исторического факультета пединститута...

— В студенческие годы я был ортодоксальным марксистом, правда, скорее меньшевистского толка. И воинственным безбожником. Крестов с храмов я, правда, не сбрасывал и с антирелигиозными плакатами по улицам не ходил, но активно вступал в теософские дискуссии с приверженцами разных конфессий.

— Время было такое?

— Это не было конформизмом. Еще в школе я был весьма критически настроен к режиму, к тому, что называлось реальным социализмом. Особо меня не преследовали, но в комсомол в школе не приняли, это уж потом я вступил в институте. Так как, повторяю, считал себя марксистом. Однако постоянно вступал в дискуссии с преподавателями истории партии и с трудом сдал этот курс на тройку. Та же история и с научным атеизмом. Я выпестовал в себе личный такой атеизм.

Известно, что только покинув альма-матер, мы по-настоящему начинаем заниматься своим образованием. Так и у меня с годами твердая атеистическая платформа как-то размякла, а потом я и вовсе сошел с нее.

— Что этому способствовало?

— Да все вместе — окружающая жизнь, книги, размышления над прочитанным...

А еще было такое. Когда я был безбожником, то претерпел множество жизненных неприятностей — мелких и достаточно капитальных. Скажем, писал я однажды какую-то критику злобно-атеистического направления, и у меня на два дня отнялась правая рука, пытался писать левой, но ничего не получалось. А потом повалили мелкие, но очень странные признаки везения. Как-то взял взаимки 10 рублей — сумма по тем временам внушительная. А отдать в срок не могу. Человек я в этом смысле щепетильный, иду звонить кредитору — ввиниться и каяться: денег нет, хоть убей. И тут в телефонной будке, на полочке, вижу — лежит десятка. Такая вот фантастика. Тогда-то я и призадумался. Потом постепенно жизнь стала входить в колею, возникло ощущение опекаемости свыше, не руководства, а именно опекаемости...

«Господь Бог неуслыно регулирует повседневную нашу жизнь, например, оберегает детей и пьяных; а неизбежное и по историческим меркам почти моментальное крушение сатанинских режимов?»

— А тут и перестройка подоспела вкупе с гласностью. Ведь именно с этого времени вы стали много печататься...

— Это чистое совпадение. Писателю нужен разбег. У меня он был долгим — с 1973 года. Первая книжка вышла через 10 лет. К тому времени, когда на нас, как кирпич на голову, свалилась свобода, у меня скопилось немало написанного. Это не были какие-то тираноборческие вещи. Отнюдь. Я занимаюсь и занимаюсь только человеком, но никак не политическими проблемами. Почему это раньше нельзя было опубликовать? Знаете, как редакторы читали раньше? Если в рассказе женщина два раза плачет, то это — клевета на социализм. Один плач надо вырезать!

«Коммунизм в редакции реалистической и культурной — точно неотаритимое будущее человечества, к которому оно подойдет, по всей видимости, околицей, безболезненно и не скоро, причем не исключено, что России опять придется торить тропу».

— Почти одновременно появились ваши статьи, где говорится, что, во-первых, «история да судьба воспитали Россию особенно расползновенной и христианскому способу бытия», и, во-вторых, что мы когда-нибудь придем-таки и к победе коммунистического труда. Можно ли это рассматривать как попытку возрождения христианского социализма?

— Одновременное появление этих сочинений — опять же случайность. Христианство и социализм или коммунизм для меня несоединимы, как любовь плотская и духовная между мужчиной и женщиной. Первое — физиологическое отправление, второе — воспарение в горние сферы. У людей, особенно наших соотечественников, есть склонность принимать христианское верование как руководство к действию. Не случайная попытка строительства Царства Божия на земле была предпринята именно у нас. Я же предпочитаю не путать Божий дар с яичницей.

— С разем земным пока не получились, но и нынешнее наше положение не очень радостно...

— Революция 85-го и последующих годов была инспирирована либерально-демократической интеллигенцией, которой не надо было ничего, кроме свободы, особенно свободы печатного слова. Ее она получила. Однако эта прослойка составляет малую долю процента населения нашей державы. Остальным этого не надо бы-

кигам, как «Веселые времена», «Новая московская философия», «Роммат», «Циклы». Однако В. Пьецух — не только признанный прозаик, но и оригинальный публицист. Его последние работы в этом жанре — о поисках веры, о судьбах страны: «Нагорная проповедь и Россия», «В чем наша вера», «Гадание на бобах» (некоторые фрагменты из них мы напомним нашим читателям). Мысли, изложенные в этих статьях, не только представляются интересными и весьма актуальными, но и вызывают желание поспорить с автором, задать ему вопросы. На некоторые из них писатель отвечает в сегодняшней беседе.

ло. з пивных и очередях всегда костерили правительство. и в последние десятилетия никого за это на Соловках не гноили. И вот амбиции интеллигенции удовлетворены, но это повлекло за собой по меньшей мере драму во всех сферах русской жизни. Здесь так не получится, чтобы были и белка и свисток. Чтобы Набокова с Газдановым читать и чтобы был порядок на улицах. Поэтому поневоле задумаешься: а стоило ли ублажать ничтожные доли процента, чтобы вся Россия вздрогнула и зачесала в затылке?

— В статье, о которой шла речь выше, вы рассматриваете разные варианты развития событий в нашей стране от бесконечного продолжения «нестроений и вражды» до самого светлого будущего. Ни на одном из вариантов вы не настаиваете и не высказываете предпочтений...

— Сочинение называется «Гадание на бобах» — иной способ разговора о будущем не представляется возможным. так как русская жизнь не подчиняется законам логики. А что касается пожеланий, то они общенародные: даешь порядок!

«...если русский мужик одумается и поймет, что демократия есть равенство на посредственность, не исключена разумная диктатура, соединяющая в себе неограниченную свободу для культурного элемента и строго подневольное состояние для животного в образе человека, разгильдяя и круглого дурака».

— Тут возникает ряд вопросов. Например как определить истинно «культурный элемент», кто и каким образом будет это делать?

— Ни для кого, кроме наших безграмотных патриотов, не секрет, что мы недостаточно культурная нация.

— Может быть, вы имеете в виду недостаток внешней культуры, ерпетической цивилизованности? Ведь вы сами говорите о том, что нам свойственны такие духовные воспарения, что мир только диву дается...

— Но это единцы, самое большее — сотни людей, которые для меня и есть русский народ. С петровских времен существуют две России. Одна живет по-черному, материт гоудных детей последними словами и т. д. Другая сидит по кухням и ведет богоугодный диалог. Это цвет страны, соль земли. И если бы эти люди стали солью земли не по определению, а по профессиональной принадлежности, все бы у нас устроилось... может быть.

— Минуточку! Сегодня в президентский Совет входят академики, ученые, писатели, специалисты по Достоевскому и Булгакову. Разве они — «соль земли»? Но не они ли сегодня заказывают музыку, в том числе и артиллерийскую канонаду в центре Москвы?

— Я уже писал, что, как мне ни противны типы, засевшие в сентябре—октябре в Белом доме, расстрел русскими танкистами парламента России — варварство позорище. Только боюсь, не те, о ком вы говорите, заказывают музыку. Как раньше ее заказывали разбойники, так и сейчас.

— Сегодня многие, в том числе из среды интеллигенции, испытывают ностальгию по прошлому. Испытываете ли вы подобные чувства?

— Нет. Главное мое ощущение, связанное с тем временем, оскорбленность. Именно этим была отравлена моя молодость. Нами управляли люди некультурные, грубые, необразованные. Я был преподавателем истории, учил детей, получал гроши, перебивался кое-как. Впрочем, и сейчас живу не намного лучше: хотя я — главный редактор солидного журнала, а зарабатываю меньше, чем поставой милиционер...

нер... — А если посмотреть на то, что происходит сейчас с исторической точки зрения?

— Ну тогда, конечно, все нормально, все по-нашенски. Разбойников развелось чрезвычайно много? Так в смутные времена всегда шалили по большим дорогам. Правительство бездарно? Так к этому не привыкать. Вот недавно жалкую, оскорбительную бюджетную статью на культуру и ту обкарнали в пользу ВПК. Ну о чем тут можно говорить? Да, понятно, политика — игра, маневр. Однако есть Россия, русская культура. Пока еще. Это приоритет номер один.

— Не очень получается разговор в глобально-историческом масштабе. Чувствуется и личная боль и боль главного редактора «Дружбы народов».

— Наш журнал, как и другие, в этом году не получил от государства ни гроша. А известно, что толстые журналы без государственной поддержки не выживут. К этому и идет. Это я рассматриваю как национальную трагедию.

— Но сейчас бьет и другое мнение: все идет как надо. Если книги какого-то автора не покупают — пусть идет в дворники. Издаваться должна только хорошая литература (известно, какая). А журналы? Пусть их издают университеты сотнями тиражами. Если, конечно, смогут и захотят. Как в «цивилизированных странах».

— Ничто не изменится, если исчезнут толстые журналы в Швейцарской конфедерации, — там живут иные идеалы, в другом культурном измерении. А у нас это не пройдет бесследно — скажете непременно, да еще как! Ведь чего нас собираются лишить? Традиционные духовных связей, десятилетиями формировавшейся уникальной атмосферы, наконец, культурной перспективы. Не говоря уже о том, что литература воспитывает в человеке самоуважение, достоинство, столь необходимые нам сегодня.

«...оказывается, вредный романтизм в отношении к собственности, воспитанный в нас историей, и Богу угоден... и для нас удобен, ибо нам ничего не стоит быть в этом пункте прилежными последователями Христа. То-то и оно, что, будучи отлучены от собственного чувства, мы в той или иной мере сосредоточились на духовном способе бытия — просто ничего другого не остается...».

— Журнал «Дружба народов» познакомил читателей со многими ранее не издававшимися у нас произведениями. Многие опубликованы и в других изданиях. У вас как у читателя и писателя появились ли принципиально новые духовные ориентиры, произошли ли какие-то крупные открытия?

— Интересных книг и публикаций в периодике действительно немало. Но принципиальных открытий этот поток, пожалуй, не добавил. Как прежде, так и теперь Александр Сергеевич и Николай Васильевич, Федор Михайлович и Лев Николаевич — источники моей веры, Надежды и Любви. Впрочем, этого и следовало ожидать. Истинно великое — большая редкость. В то же время настоящая литература неборича даже самыми людоедскими режимами. Уж на что Бунин был откровенным врагом большевизма, и то его — эмигранта — печатали в Советском Союзе, за исключением, конечно, самых политизированных вещей вроде «Окаянных дней». Любуй гнет бессилем — особенно в России — против культуры во мне и культуры вокруг меня, бессилем против Божеского начала. Что я могу назвать очередным проявлением бытия Божьего.

Беседу вел Александр НЕВЕРОВ.